

Доктор Роберт А. Петерсон, Богословие Луки- Деяния, Занятие 19, Маршалл, Историчность Деяний, Портрет Павла, сделанный Лукой

Это доктор Роберт А. Петерсон и его учение по теологии Луки-Деяния. Это сеанс номер 19, Я, Говард Маршалл, Историчность Деяний, Портрет Павла работы Луки.

С последними продолжим изучение богословия Луки и Деяний и будем искать Господа.

Милостивый Отец, спасибо, что Ты послал Своего Сына Спасителем мира, даже нашим Спасителем. Благодарим Тебя за то, что Ты послал Святого Духа в наши сердца, чтобы мы могли называть Тебя Отцом, Отцом. Научите нас, ободрите нас, направьте нас на путь, о котором мы молимся вечно, через Иисуса Христа, нашего Спасителя и Господа. Аминь.

Мы изучаем хорошую книгу Говарда Маршалла «Комментарий к историчности Деяний» и подошли к обзорным подзаголовкам «Историчность Деяний». Исторический скептицизм — это первый подзаголовок, затем историческая подоплека в Деяниях, проблема источников, богословская мотивация Луки, речи в Деяниях и пятая — портрет Павла Лукой, Историчность Деяний. В предыдущем разделе мы увидели некоторые богословские интересы, которые очевидны в композиции Деяний.

Их присутствие заставило все большее число ученых усомниться в исторической ценности Деяний. Уорд Гаскью, ученый-евангелист, написал книгу «Деяния: история критики или научного исследования деяний». Уорд Гаскью, ГАСКЮ.

В XIX веке так называемая Тюбингенская школа критики рассматривала Деяния как позднюю попытку приукрасить конфликт между Петром и Павлом, который, как утверждалось, доминировал в первые годы существования церкви. Действия представляли собой картину плавного компромисса и замалчивали суровую реальность конфликта. К концу века исследователи сэра Уильяма Рэмси, в частности, много сделали для дискредитации такого толкования Деяний и подтверждения высокого исторического качества труда Луки.

Уильям Рэмси, Святой Павел, путешественник и римский гражданин, 1895, а затем 1920 год, снова еще один выпуск, еще одно издание. Рэмси, без сомнения, изложил эту точку зрения гораздо более решительно, чем многие из

его современников были готовы принять, и он был способен делать утверждения об исторической точности Луки, выходящие за рамки того, что можно было доказать имеющимися свидетельствами. По сути, та же точка зрения была представлена в более умеренной форме в главном труде англо-американских исследователей Деяний начала 20 века «Начало христианства».

Авторы этой работы принадлежали к различным научным школам и, безусловно, не выказывали слепого преклонения перед Лукой. Напротив, они оценивали его труд по меркам либеральной науки и в целом признавали Деяния как исторический труд, имеющий значительную ценность. Этот вердикт был подтвержден в послевоенных комментариях Ф.Ф. Брюсом и К.С.С. Уильямсом.

Тем временем развивалась мощная реакция. В Германии гораздо более скептическое отношение к исторической ценности Деяний выразил в серии очерков Мартин Дебелиус, применивший к книге методы формальной критики. Затем последовало развитие редакционной критики, в которой подчеркивалась функция новозаветных авторов как творческих богословов, свободно работающих над доступными им традициями.

Хотя крупное исследование богословия Луки, опубликованное Гансом Конзельманом в 1954 году, сосредоточило внимание на Евангелии, для многих читателей оно установило, что Лука был прежде всего богословом и имел плохую репутацию как историк. Два года спустя вышло первое издание огромного комментария Эрнста Хенхена на Деяния. Любой, кто мог подумать, что Рудольф Бультман представляет собой высший исторический скептицизм в отношении Нового Завета, был шокирован.

Метод Хенхена заключался в том, чтобы в каждом месте Деяний спрашивать, что пытался сделать Лука? Он обнаружил, что может объяснить большую часть Деяний с точки зрения поучительного повествования Луки о ранней церкви, которое не имело ничего общего с письменными источниками и было основано на скуднейших устных традициях. В результате историческая точность Луки, очевидно, была разорвана в клочья. Утверждалось, что повествование имеет мало традиций, полно исторических несоответствий и невероятностей и является, по сути, продуктом плодотворного ума писателя-историка, мало или вообще не заботящегося о таких утомительных вещах, как факты.

По сути, той же линии придерживался и несколько более поздний комментарий Х. Конзельмана, хотя краткость его изложения означает, что его исторический скептицизм выглядит гораздо более произвольным и необоснованным, чем у Хенхена. На данный момент подход Хенхена Конзельмана кажется доминирующим и в значительной степени неоспоримым на континенте. Совсем недавно в сноске Маршалл говорит, что Мартин Хенгель в книге «Деяния и

история раннего христианства», 1979 год, решительно защищал Луку и утверждал, что он заслуживает не меньшего доверия, чем другие историки древности.

Возможно, это не столь громкое одобрение, но, безусловно, гораздо лучше, чем радикальный скептицизм. Исторический скептицизм — наш первый подзаголовок. Какие факторы привели к такой оценке Деяний? Во-первых, существует общий фон исторического скептицизма, связанного с критикой формы и редакционной критикой.

Принято считать, что церковные круги, которые сохраняли и передавали традиции, а затем записывали их, были богословски мотивированы и, следовательно, не интересовались тем, что на самом деле произошло, или были неспособны проверить, каковы были исторические факты. Нам говорят, что ранняя церковь не интересовалась историей, но этот общий вывод логически неоправдан. Таким образом, выделенное курсивом утверждение, которое мы подчеркнули выше, не имеет доказательной силы и в любом случае по своей сути маловероятно.

Было снова и снова доказано, что богословская мотивация не исключает интереса, особенно когда такой писатель, как Лука, сознательно заявляет, что его богословская цель привела его к созданию исторического отчета о зарождении христианства. Пожалуй, следует добавить, что формальная критика и редакционная критика — совершенно законные подходы, и нет необходимости характеризовать их историческим скептицизмом. Историческая справка в Деяниях.

Одним из главных вкладов Рэмси в исследование Лукана было то, что он продемонстрировал, что в вопросах подробной исторической подоплеку Лука проявляет поразительную точность. Действительно, именно это наблюдение заставило Рэмсея отказаться от своего прежнего принятия тюрингенского взгляда на Деяния как на роман второго века, но доказательства необходимо было пересмотреть, и сегодня мы находимся в лучшем положении, чтобы подтвердить существенную надежность актов в этой области. Основная работа здесь принадлежит А. Н. Шервину-Уайту, а его подход в настоящее время развивается Колином Дж. Хемером.

Шервин-Уайт пишет осторожно и не претендует на большее, чем оправдано фактами. Он вполне готов признать, что Лука допускает ошибки, но главная цель его книги — продемонстрировать, что по большей части Лука точно изображает римскую сцену первого века. Вывод, который следует сделать, заключается в том, что если Лука прав в отношении деталей истории, он, вероятно, будет прав и в отношении основных эпизодов.

Плоды этого подхода можно увидеть в кратком, но полезном комментарии Р.П.К. Хансена, который приписывает Луке гораздо более высокий уровень исторической точности, чем это принято в немецкоязычной науке. Немецкоязычные ученые, похоже, в целом либо игнорируют Шервина-Уайта, либо утверждают, что даже если писатель точен в предпосылках, это не обязательно означает, что он точен в основном сюжете. Утверждается, что писатель-историк может приложить все усилия, чтобы доказать достоверность своего прошлого.

Это предложение совершенно неубедительно. Предполагается, что Лука писал как современный романист, стремящийся к правдоподобию. Это полнейший анахронизм.

Он также игнорирует тот факт, что точность Луки распространяется на тривиальные детали, которые писатель вряд ли будет исследовать. Сама небрежность точности предполагает, что она не искусственна. Кроме того, нам нужны веские доказательства того, что Лука писал исторический роман, прежде чем мы отложим в сторону его собственное заявление о том, что он пишет достоверную историю, и доказательства его точности.

В-третьих, проблема источников. Одна из больших проблем Деяний — сложность обнаружения источников, использованных автором. Даже если предположить, что книгу написал товарищ Павла, сам он не появляется на сцене до главы 16, и, следовательно, он должен был зависеть от информации от других людей о том, что произошло в предыдущих разделах.

В 1964 году Ж. Дюпон заметил, цитирую, что ни один из источников, использованных автором Деяний, не удалось определить так, чтобы это встретило широкое согласие критиков. Закрывать цитату. DuPont, книга, обобщенная под названием «Источники», стр. 166.

Впоследствии не произошло ничего, что могло бы существенно изменить эту оценку. По общему мнению, Люку удалось скрыть все источники, которые он использовал, под единым редакционным стилем. Более того, тот факт, что некоторые истории могут быть проанализированы форм-критически, может означать, что автор не зависел от прямых рассказов очевидцев о случившемся, а редакционно-критический анализ других показывает, что их можно объяснить, по крайней мере частично, с точки зрения его собственных рассказов. состав.

Если мы не можем проследить источники предполагаемого исторического произведения, у нас может быть мало оснований для уверенности в достоверности содержащейся в нем информации, даже если автор действовал из лучших побуждений и был осторожен. Надо признать сложность проблемы, но она не является непреодолимой. Во-первых, в важном эссе о проблеме

традиций в Деяниях Джервель утверждает, что существуют независимые свидетельства того, что деятельность апостолов и учреждение конгрегаций были событиями, которые составляли часть миссионерского провозглашения Церкви, и, таким образом, условия были благоприятствуют сохранению традиций об истории Церкви.

Во-вторых, так получилось, что в Евангелии мы можем в значительной степени проверить использование Лукой своих источников. Если мы допустим, что он использовал Марка, а также утерянный источник, которым он поделился с Матфеем, мы сможем увидеть, как он использовал эти источники. Выясняется, что, хотя он пользовался определенной редакционной свободой и не просто дословно передавал свои источники, он был им удивительно верен.

«Что нас здесь беспокоит, — сказал Ф.К. Беркитт, — не то, что Люк так сильно изменился, а то, что он так мало изобрел. Закрывать цитату. Разумно предположить, пока не доказано обратное, что он поступал аналогичным образом и в Деяниях».

В-третьих, несколько пессимистический вывод Дюпона не означает, что некоторые теории относительно источников Актов могут быть более правдоподобными, чем другие. Во второй части Деяний некоторые разделы написаны от первого лица множественного числа. Деяния 16:10–17, Деяния 20:5–21:18 и Деяния 27:1–28:16. Наиболее естественным объяснением этого явления является то, что эти разделы основаны на материале, составленном участником описываемых событий, и что автор Деяний не изменил стиль на обычное повествование от третьего лица.

Было предпринято много попыток объяснить эти отрывки иначе. Было высказано предположение, что использование мы - это литературный прием, используемый в контексте морских путешествий или для утверждения, что автор - много путешествовавший и, следовательно, компетентный писатель. Такое объяснение мало что говорит о честности писателя, но в любом случае проведенные параллели не доказывают сути дела.

Убедительнее то, что стиль от первого лица указывает на использование материала очевидцев и что именно так его оценили бы читатели Луки. Что касается предыдущих глав Деяний, наиболее вероятной гипотезой по-прежнему является то, что Лука получил информацию от различных церквей и, возможно, от некоторых главных действующих лиц этой истории. Вероятность того, что он получил информацию из таких мест, как Иерусалим, Кесария и Антиохия, велика.

Действительно, почти невозможно, чтобы писатель о ранней церкви не сделал этого. Но надо признать, что Лука настолько тщательно проработал свои

источники, что отличить их стилистически невозможно. Приговор Ф. Дж. Фулкса Джексона особенно справедлив в отношении Деяний.

«Мы должны постоянно помнить, что критика источников в Новом Завете — это во многом догадки». Цитируется у Брюса Ф. Ф. Брюса, Деяния, стр. 21.

В отдельных отрывках критик может обнаружить места, где автор использует традицию. Но следует помнить, что автор может настолько полностью переписать источник своими словами, что восстановить его первоначальный вид практически невозможно. В Деяниях существует постоянная опасность того, что повсеместное присутствие собственного стиля автора может побудить ученых сделать вывод, что он не зависел от источников.

Этому искушению необходимо противостоять. Маршалл пишет, что в рамках этого комментария анализ источников невозможен, и решение этой задачи следует оставить более масштабным работам. В-четвёртых, богословская мотивация Луки, речи в Деяниях заслуживают большего внимания, чем мы уделяли им до сих пор в этом курсе.

Так что это приветствуется. Мы уже упоминали вопрос о присутствии Луки в богословии в Деяниях. Считается, что главным средством, посредством которого это произошло, является устная речь.

Британские ученые в целом отстаивают мнение, что различные речи, вложенные в уста Петра, Павла и других, или, если не дословно, отражают то, что было сказано на самом деле, то, по крайней мере, представляют собой композиции, основанные на традиции и выражающие структуру и смысл. подробности древнейшей христианской проповеди. Ч. Додд, апостольская проповедь и ее развитие. Ф. Ф. Брюс, речи в Деяниях апостолов.

Другое направление в науке, представленное, в частности, Мартином Дибелиусом и Хью Уилкинсом, утверждает, что речи практически не имели под собой традиции и почти полностью были составлены самим Лукой, отражая его собственное богословское мировоззрение. В основе этого скептического вердикта лежит анализ самих выступлений. Утверждается, что их содержание не соответствует фрагментам ранних проповедей, которые можно обнаружить в других частях Нового Завета, что речи следуют общей структуре с индивидуальными вариациями в зависимости от случая, что их язык и стиль — луканские, и что вместе они представляют собой сборник богословия Лукана, причем каждое выступление вносит свой вклад в общий эффект.

Эти аргументы менее убедительны, чем могут показаться. Во-первых, примечательно, что в последнем издании своей книги Уилкинсу пришлось сделать некоторые важные оговорки к своим предыдущим заявлениям, и он

признает, что в некоторых выступлениях было больше традиционной основы, чем он допускал ранее. Степень этого изменения взглядов не следует переоценивать, но оно имеет определенное значение.

Во-вторых, ряд ученых обратили внимание на наличие в речах примитивных элементов, особенно еврейских моделей использования Ветхого Завета. Стиль речей не так отточен, как можно было бы ожидать, если бы это были тщательно продуманные литературные произведения. Фактически, это своего рода дублирования и незначительные несоответствия, которые отмечают включение традиций в редакционную структуру.

В-третьих, хотя в речах можно проследить общую структуру, она демонстрирует значительное разнообразие в индивидуальном применении, и существует некоторое согласие между речами и, по общему признанию, скудными свидетельствами ранних проповедей, которые можно почерпнуть из других частей Нового Завета. Можно справедливо спросить, что бы сказал Петр иудеям, если бы он не говорил того, что приписал ему Лука? Очень трудно представить, чтобы он занял линию, сильно отличающуюся от той, которую он, как утверждается, придерживался. Эти моменты указывают на то, что речи и действия основаны на традиционном материале, хотя их недостаточно, чтобы продемонстрировать, что все речи действительно были произнесены в указанном случае, и этот момент, вероятно, в любом случае выходит за рамки исторических доказательств.

На самом деле, есть ряд моментов, которые указывают на то, что выступления никогда не были стенографическими отчетами. Во-первых, чтение вслух любой речи займет всего несколько минут. Совершенно невероятно, чтобы на самом деле ораторы были такими краткими, как показывают глава 20 и стих 7, где мы это читаем, о, неудивительно, глядя на Луку, боже мой, я почти уверен, что именно здесь Павел, да Павел говорил с ними, намереваясь отправиться на следующий день, и продлил свою речь, Деяния 20 и стих 7, в Македонии до полуночи.

Те маленькие слова, которые у нас были, несколько слов здесь или краткое изложение — вот что у нас есть. У нас нет ничего от проповеди. В лучшем случае мы не можем иметь ничего, кроме краткого изложения того, что было сказано.

Да, речи там нет, только те слова, которые Павел говорил уже давно. Во-вторых, хотя весьма вероятно, что учение Иисуса особенно запомнилось его ученикам и что они действительно усвоили кое-что из того, чему он их учил, гораздо менее вероятно, что аудитория помнила то, что говорили раннехристианские проповедники или что сами ораторы хранили. полные отчеты о том, что они сказали. Павел не говорил по заранее подготовленной рукописи в Листре (14 стихов с 15 по 17) и не записывал свою проповедь впоследствии. В лучшем

случае Луке будет передан общий отчет о сказанном.

В-третьих, в некоторых местах можно продемонстрировать, что Лука не стремился дословно передать сказанное. Краткое послание ангела Корнилию в несколько иных формах появляется в 10:4-6 и 31, следующих за главой 10.

Но из 10:22 и 33 становится ясно, что ангел сказал Петру больше, чем содержится в двух только что перечисленных сообщениях. Отсюда следует, что Лука не пытался передать нечто большее, чем общий смысл вести. То же самое относится и к различным версиям того, что было сказано Павлу при его обращении небесным голосом и Ананией.

В-четвертых, бывают случаи, когда Лука изначально не мог знать, что было сказано. Лука вряд ли мог знать, что говорили друг другу Фест и Агриппа в своих личных покоях (25:13–22, 26, 30–32). Христиане также не могли узнать, что именно говорили члены Синедриона на закрытом заседании, 4:15–32. 17, 5:34–40.

В первом случае Лука мог выразить то, на что указывало публичное поведение правителей, но они, вероятно, говорили наедине. И в последнем случае некоторые сочувствующие из Синедриона, возможно, донесли христианам суть того, что о них говорилось. Но ни в том, ни в другом случае дословное воспроизведение разговоров вообще маловероятно.

Целью этих комментариев является показать, что Лука мог и действительно составлял соответствующие замечания для своих ораторов, и что мы поступаем с ним несправедливо, если ожидаем от него дословных отчетов о каждой речи. Это не значит, что речи — его собственные недисциплинированные выдумки. Мы уже видели, что они основаны на разного рода исходных материалах.

В своих речах Лука старался передать то, что говорили проповедники ранней церкви. По-прежнему наиболее разумно полагать, что его практика была аналогична практике Фукидида, которого тоже цитировали, но можно было цитировать и Полибия. Фукидид говорил: «Во всех случаях было трудно удержать в памяти речи слово в слово».

Итак, моя привычка заключалась в том, чтобы заставлять говорящих говорить то, что, по моему мнению, требовалось от них в тех или иных обстоятельствах. Разумеется, максимально придерживаясь общего смысла того, что они говорили на самом деле. Фукидид в своей истории 1.22.1. Наконец, портрет Павла, сделанный Лукой.

Номер пять. Пятый заголовок: портрет Павла работы Люка. Вот и все.

Наконец, следует упомянуть портрет Павла, сделанный Лукой, его деятельность и его богословие. Именно этот момент, возможно, больше, чем любой другой, привел к скептическим оценкам исторической ценности Х. Доводы против Луки изложены в эссе П. Вильхауэра, который утверждал, что изложение Лукой отношения Павла к естественному богословию, к иудейскому закону, христологии и эсхатологии совершенно не соответствовало той картине, которую мы получаем из собственных посланий Павла. Эта статья оказала необычайное влияние на убеждение ученых в неисторическом характере Х. На самом деле, однако, этот случай был подвергнут резкой критике и, по нашему мнению, убедительно разрушен в кратком обсуждении Э. Эрла Эллиса.

Пол Уилхауэр о паулизме Деяний в SLA, стр. 33–50. Эллис, Евангелие от Луки, стр. 45–47. Некоторые общие наблюдения Ф.Ф. Брюса подтверждают это утверждение.

Ф. Ф. Брюс — это Павел из Деяний, настоящий Павел. BJRL, стр. 58. Это не означает, что между портретом Павла, сделанным Лукой, и его собственными произведениями нет противоречий.

Это значит подтвердить, что, по нашему мнению, они не настолько существенны, чтобы заставить нас отвергнуть Деяния как неисторические. При обсуждении исторической ценности Деяний можно было бы упомянуть и другие моменты, но они, пожалуй, самые важные. Цель наших, хотя и кратких, комментариев состоит в том, чтобы показать, что существуют веские доводы в пользу того, что Деяния являются по сути надежным изложением того, о чем в них сообщается.

Но следует отметить, что аргументы того рода, которые мы использовали, не могут доказать ее историчность в деталях, и нам не следует ожидать от Луки большего, чем то, что он якобы предложил. Нельзя было ожидать от него репортажа, который мог бы получить журналист, присутствовавший при каждом инциденте с магнитофоном. И даже такой отчет можно назвать односторонним и вводящим в заблуждение.

Он дал нам отчет об истории ранней церкви, который касается только некоторых аспектов ее развития и игнорирует другие и основан на доступных ему источниках, написанных в сочувственной манере. Если мы подойдем к нему таким, какой он есть, мы оценим его лучше, чем если будем требовать от его автора того, чего он не пытался дать. По крайней мере, я хочу дать некоторое представление о происхождении Деяний.

Авторство. На протяжении всего предыдущего обсуждения мы довольствовались тем, что называли автора Деяний его традиционным именем Лука. Но был ли автор на самом деле в Новом Завете под этим именем? Врач,

друг и коллега Павла, Колоссянам 4:14, Филимону 24, 2 Тимофею 4:11. В пользу этой идентификации говорят две линии аргументации. Во-первых, есть внутренние свидетельства Деяний. Некоторые отрывки написаны от первого лица множественного числа, и наиболее правдоподобная их интерпретация состоит в том, что они вышли из-под пера товарища Павла и были включены в Деяния без изменения стиля, поскольку автор этого источника сам был автор книги.

Когда мы спрашиваем, кем был этот товарищ Павла, мы можем исключить различных людей, которые упоминаются по имени в Х, например, Тимофея, Аристарха, среди различных лиц, которых Павел упоминает в своих спутниках в Риме или в Кесарии, если это место. происхождения тюремных писем. Люк выделяется как очевидное имя. Во-вторых, есть внешние свидетельства от писателей ранней церкви.

Самым ярким свидетельством является свидетельство Ириней около 180 г. н.э., который утверждает, что Лука является автором третьего Евангелия в Деяниях. С этого момента традиция прочно закрепилась. Его можно найти в каноне моратория, в так называемом антимаркионитском прологе Евангелия от Луки.

Свидетельства других авторов показывают, что с начала третьего века традиция не подлежит сомнению. Вероятно, это можно проследить до начала второго века. Маркион, который был фанатичным последователем Павла и его Новый Завет состоял только из посланий Павла и одного Евангелия, выбрал своим Евангелием Евангелие от Луки.

Вполне вероятно, что это означает, что он считал, что оно было написано коллегой Павла и выражает мировоззрение Павла. Маркион не включил Деяния в свой канон, так называемый канон, но его вероятное признание авторства Лукана в Евангелии может быть использовано для подкрепления аргументов в пользу авторства Лукана в Деяниях. Существует также вариант текста Деяний 20:13 в армянском источнике, не армянском, а из Армении, который, в свою очередь, основан на старой сирийской версии Деяний.

Там написано, цитирую, но я, Лука, и те, кто был со мной, пошли на борт, закрыть цитату. Это не претендует на звание оригинального текста Деяний, но оно указывает на то, как один из первых переписчиков интерпретировал эти крошечные отрывки. Есть основания полагать, что это толкование может восходить ко времени составления так называемого западного текста Деяний 11:28, который можно датировать началом второго века.

Было бы неразумно придавать слишком большое значение этим свидетельствам из западных текстов. Важный вопрос заключается в том, является ли вердикт Ириней и других, разделявших его взгляды, просто

разумным выводом из крошечных отрывков Деяний или основан, по крайней мере частично, на какой-то независимой традиции относительно авторства Деяний. Здесь справедливы два момента.

Во-первых, традиция, которую мы изложили, неоспорима. Никаких других доказательств идентификации автора Деяний нет. Во-вторых, если бы эта традиция была просто выводом из свидетельств Нового Завета, возможно, был бы назван какой-то другой спутник Павла.

Фактически, традиция в пользу того, что Лука является автором Евангелия в Деяниях, так же хороша, как и традиция любого другого автора Евангелия. Аргумент против этого по существу основан на предполагаемой несовместимости портрета Павла с историческим Павлом. Мы уже видели, что этому аргументу недостает силы.

Что касается даты написания, я собираюсь прочитать заключение Говарда Маршалла. Если, однако, разумно считать, что Лука смог составить тонкую картину ранней церкви сравнительно вскоре после событий, о которых он рассказывает, то более ранняя дата кажется возможной. Мы видели, что доказательства неоднозначны.

С одной стороны, Деяния Луки не выдают никаких сведений о каких-либо событиях после двух лет пребывания Павла в Риме, за исключением, возможно, его смерти. С другой стороны, он смотрит на свою карьеру с определенной точки зрения. Таким образом, можно многое сказать о взгляде Ф. Ф. Брюса на то, что составление Деяний от Луки могло происходить в течение длительного периода времени, а заверченный труд мог быть выпущен к 70 году нашей эры.

С этой точки зрения Лука довел свою историю до важного момента — завершения процесса принесения Евангелия в Рим, символом которого стала беспрепятственная проповедь Павла там в течение двух лет. Это была подходящая кульминация истории, и здесь Люк был рад закрыть свой аккаунт. Место составления? Если дата написания Деяний неизвестна, то место его написания и предполагаемая читательская аудитория остаются еще более неопределенными.

Надо признаться, что мы просто не знаем ответа на этот вопрос. Заключение. Определение даты и места написания Деяний автором не принесет нам большой помощи в понимании книги, если мы не узнаем что-то независимо о каждом из этих факторов, что затем можно использовать, чтобы пролить свет на саму книгу.

Конечно, если бы Лука была написана раньше, если бы Деяния были написаны раньше Лукой, товарищем Павла, то, вероятно, они имели бы лучшее

историческое обоснование, чем если бы они были составлены неизвестным автором в начале II века. Опять же, было бы полезно узнать, существовала ли в церкви какая-то конкретная историческая ситуация, которая привела к написанию книги. Однако нет никаких свидетельств того, что Лука пытался справиться с каким-то конкретным кризисом в жизни церкви.

Его мотивы были менее четко определены. К счастью, понятность и ценность книги во многом не зависят от знания точной ситуации, в которой она была написана. Хотя тонкие моменты толкования Деяний все еще могут вызвать бурные дискуссии среди ученых, основные темы книги в основном ясны и просты.

Мы завершаем наше рассмотрение богословия Деяний Маршалла указанием на непреходящую ценность Деяний. Особые проблемы в церкви, которые беспокоили Луку, в некоторых случаях исчезли. Церковь больше не беспокоит проблема евреев и язычников и все второстепенные вопросы, вытекающие из этой основной проблемы.

Тем не менее, во многих отношениях книга сохраняет свою ценность для сегодняшней церкви. Одного или двух образцов может быть достаточно. Во-первых, сам Лука считается писателем пастырской направленности.

Он пишет, чтобы помочь церкви. Он раз и навсегда показывает, что история церкви – это не холодная академическая дисциплина, а может быть средством ободрения народа Божьего. Во-вторых, Лука ясно дает понять, что, по его мнению, основной задачей церкви является миссия.

Он удивительно мало говорит о внутренней жизни церкви и сосредоточивает большую часть своего внимания на этой стороне церковной задачи. Более того, для Луки миссия означает евангелизацию, провозглашение благой вести об Иисусе и призыв к покаянию и вере. В-третьих, Лука показывает, что в целях Бога не может быть никакой расовой дискриминации внутри церкви.

Церковь названа свидетелем всем людям, и спасение предлагается всем на одинаковых условиях. В-четвертых, Лука подчеркивает роль духа в руководстве и укреплении церкви сил для выполнения ее миссии. Миссия – это не просто человеческое достижение.

Дары духа даются с целью миссии, а не для частного назидания церкви или ее отдельных членов. В-пятых, все это сводится к тому, что Лука видит церковь воздвигнутой и направляемой Богом для того, чтобы она достигла намеченной цели. В этом смысле можно сказать, что Лука верил в теологию славы, *theologia gloria*.

Он верит в окончательный триумф Евангелия. Однако в то же время он прекрасно сознает, что торжество Евангелия достигается только через страдания и мученичество. В этом смысле он самым решительным образом верит в теологию креста, *theologia* кресты .

Двадцать лет назад я посетил город Кассель в Германии. Большая часть города все еще представляла собой опустошенные руины после разрушений, полученных во время Второй мировой войны. Но среди руин старых зданий все еще стоял разрушенный остов церкви.

От здания сохранились лишь фрагменты, но на одном конце шпиль все еще указывал в небо, а над дверным проемом осталась высеченная в камне надпись. Но слово Божие пребывает вовек. Люк оценил бы такой символизм.

Вот что он должен нам сказать.

Это доктор Роберт А. Петерсон и его учение по теологии Луки-Деяния. Это сеанс номер 19, Я, Говард Маршалл, Историчность Деяний, Портрет Павла работы Луки.